

100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

ГЕНИАЛЬНЫЙ НАРОДНЫЙ МУЗЫКАНТ

«Знаете, дорогой мой друг, что я еще не встречал человека, более меня влюбленного в матушку Русь... Я страстно люблю русского человека, русскую речь, русский склад ума, русскую красоту лиц, русские обычаи», — пишет Чайковский во время одной из своих поездок за границу. Горячей любовью к своему народу, к русской природе, ко всему, что связано с родной страной, проникнуто его творчество.

Большинство опер Чайковского написано на сюжеты из русской жизни: историко-бытовые («Воевода», «Чародейка»), исторические («Опричник», «Мазепа»), народно-бытовые («Кузнец Вакула», или в более поздней редакции — «Черевички»), близкие современной ему эпохе («Евгений Онегин», «Пиковая дама»). В гениальной музыке его по-новому возрождается образ русской женщины, воспетой великими классиками русской литературы.

Тысячами нитей был связан Чайковский с родной природой. Она будила в нем теплое воспоминание о далеком золотом детстве. Воткинск с его холмистыми далями и синееющими на горизонте вековыми лесами, с глубоким, на несколько десятков верст тянущимся прудом, с народными песнями и старинными сказаниями как живой вставал перед ним. Родная природа подсказывала ему полные бесконечной выразительности мелодии, навеивала музыкальные образы.

Его «Зимние грезы» (1-я симфония), фортепианные пьесы «Времена года» и другие произведения, навеянные природой, проникнуты глубоким душевным теплом и подлинной народностью. Они волнуют, как тонкие пейзажи Левитана. Музыкальный язык их тесно связан с народным творчеством. Однако не следует думать, что обращение Чайковского к

богатеишей народно-песенной сокровищнице ограничивается лишь произведениями, связанными с природой. Их не так уже много, между тем в большинстве его симфонических, оперных и даже камерных произведений звучат элементы народной песни, ее мелодические обороты.

В трех первых своих симфониях и начатой в Москве IV симфонии, в операх «Воевода», «Кузнец Вакула», «Опричник», в музыке к «Снегурочке» Островского, в фортепианном концерте, в трех струнных квартетах, романсах и пьесах — во всех этих произведениях, созданных композитором в Москве, чувствуется огромное влияние народной песни.

Культ народной песни был чрезвычайно распространен среди московской интеллигенции 60 — 70 годов. Члены московского артистического кружка, где собирались видные представители театра, литературы и музыки, культивировали собрание и записывание с голоса народных песен. Драматург Островский, артист Малого театра Пров Саловский и другие московские приятели Чайковского были большими любителями и знатоками народного творчества, любили и сами петь русские песни. Молодой композитор жадно впитывал в себя эти новые влияния тем более, что они падали на благодарную, подготовленную еще детскими впечатлениями почву. Очень хорошо говорит об этом сам Чайковский в одном из писем к Н. Ф. фон-Мекк: «Что касается вообще русского элемента в моей музыке, т. е. родственных с народной песней приемов в мелодии и гармонии, то это происходит в наследство того, что я вырос в глуши, с детства, самого раннего, проникся неизяснимой красотой характеристических черт русской народной музыки, что я до страсти люблю русский элемент во всех его проявлениях,

что, одним словом, я русский в полнейшем смысле этого слова».

Уже в первом крупном произведении композитора — в симфонии «Зимние грезы» — звучит народная песня «Цвети цветица». С 1868 года Чайковский обрабатывает для фортепиано в четыре руки 50 народных песен, частью заимствованных из разных сборников, частью записанных им самого у московских друзей. В музыке к весенней сказке Островского «Снегурочка» использовано одиннадцать народных песен. 2-ю симфонию Чайковского по насыщенности ее украинским фольклором можно смело назвать украинской. Поэтичные украинские веснянки, колядки, многочисленные песни и танцы наполняют своим ароматом оперу «Кузнец Вакула».

Часто он включал в свои произведения песни, им самим непосредственно от крестьян записанные. Замечательная песня «Коса ль, моя косышка», использованная Чайковским в «Воеводе», а потом в «Опричнике», записана им была в деревне Мазилово под Кунцевом. Услышав от калужского плотника песню «Сидел Валя на диване», он создает на ее основе свое поэтическое знаменитое «Анданте кантабиле» первого квартета. Свообразный мерный шаг, распространенный среди украинских слепцов, он разработал в I-й части своего чудесного фортепианного концерта.

Счень ревниво относился Чайковский к чистоте стиля и художественности исполнения народных песен. Он понимал, насколько трудно и в то же время необходимо записывать песню так, как ее поет сам народ, со всем ее своеобразием. «Это... требует», — говорит он, — самого тонкого музыкального чувства и большой музыкально-исторической эрудиции».

Песня — этот «драгоценнейший образец народного творчества» является для Чайковского богатым источником вдохновения и материалом, из которого он черпает свои многообразные мелодии. Народная песня лишь в редких случаях определяет характер его композиции в це-

лом, а служит, главным образом, тематическим материалом, которым композитор свободно, творчески располагает. Народную песню он подчиняет своему собственному творческому замыслу. Народная песня во всем ее многообразии и ритмическом богатстве часто помогает ему раскрыть замысел произведения.

В 1885 г. Чайковский поселился в Майданове, близ Клина. Вскоре он перезнакомился с крестьянами окрестных деревень. С глубоким сочувствием говорит он об их нищете и безотрадно тяжелых условиях жизни: «Избы в здешней деревне самые жалкие, маленькие, темные; духота в них должна быть ужасная, и когда вспомнишь, что они восемь месяцев должны прожить в этой темноте и тесноте, сердце сжимается... Не знаю почему, но народ здесь особенно бедный. Земля по разделу с помещицей им досталась ужасная — голый песок; лесу нет вовсе, заработка никакого, так что большинство бедствует... Жалко смотреть на этих детей, обреченных жить материально и умственно в вечном мраке и духоте».

Только благодаря энергичным стараниям Петра Ильича и крупной денежной сумме, которую он ежегодно давал крестьянам, удалось открыть в Майданове сельскую школу.

Наблюдая жизнь крестьян, Чайковский всегда удивлялся тому, что они никогда не теряют веры в жизнь. Этот бессмертный народный оптимизм привлекал композитора. С исчерпывающей ясностью формулирует эту мысль сам композитор в программе к финалу IV симфонии: «Если ты в самом себе не находишь мотивов для радостей, смотри на других людей. Ступай в народ. Смотри, как он умеет веселиться, отдаваясь безраздельно радостным чувствам». В простых и здоровых чувствах народных, в могучей жизненности народа искал Чайковский источник жизни.

И. РАЦКАЯ.